

— С этого момента он больше не будет выполнять задания. Сейчас для него важнее всего поправиться, — Лоу Цзиньюй с нежностью убрал несколько прядей волос за ухо Инь Шии.

Услышав это, человек, который до этого послушно лежал в постели, внезапно приподнялся. В его взгляде, устремленном на Лоу Цзиньюя, читалась растерянность.

— Господин, неужели я в чем-то провинился? Это сущая мелочь, рана никак не мешает мне выполнять задания. Я хочу быть полезным вам...

Лоу Цзиньюй испугался столь резкого движения и поспешно уложил его обратно, а осознав смысл сказанного, понял, что его неверно истолковали.

— Шии, ты ни в чем не виноват. Ты можешь служить мне и иначе, не выполняя заданий. Сначала поправляйся, хорошо?

Он твердо решил: больше никакой работы для Инь Шии. Каждое задание неминуемо влечет за собой риск, кровь и раны. Раньше, не видя всего этого своими глазами, он позволял ему поступать так, как тот хочет, но теперь, став свидетелем произошедшего, он ни за что не отпустит его снова.

Он собирался действовать постепенно, но теперь у него не осталось терпения. Будет спокойнее, если он властно удержит его подле себя, на своей территории.

Поняв, что господин не питает к нему отвращения, Инь Шии успокоился. Его чувства улеглись, но, заметив присутствие Дуань Чуньхуэя, он снова не знал, куда деть глаза.

Заметив сдержанный характер своего подчиненного, Лоу Цзиньюй махнул рукой, приказывая Дуань Чуньхуэю удалиться.

Дуань Чуньхуэй подумал про себя: «Надо бы забрать свои слова обратно. Свиньи, может, на деревья и не лазят, но железное дерево Лоу Цзиньюя вот-вот зацветет! И никакой братской любви — как только я стал не нужен, меня сразу прогнали!»

Когда Дуань Чуньхуэй ушел, Лоу Цзиньюй подоткнул одеяло. Тонкий и мягкий шелк идеально подходил для майского утра. Глядя на бледное, изможденное потерей крови лицо, Лоу Цзиньюй начал сводить счеты.

— Шии, ты говоришь, что ранение — это мелочь, что наказание — тоже мелочь. Тогда скажи мне, что для тебя важно? Почему, получив рану, ты не подал световой сигнал, а решил терпеть?

В его голосе сквозило скрытое раздражение, но куда больше было страха — страха от того, что он не может разделить эту боль, и опасения, что в будущем Шии снова пострадает там, где он

не сможет его защитить.

Световой сигнал был предназначен для крайних случаев, когда жизнь Теневого стража висела на волоске. Инь Шии не считал свою рану настолько серьезной, поэтому и не стал его использовать. В прошлом, выполняя задания, он получал куда более страшные увечья, поэтому искренне не видел повода для беспокойства.

— Господин... я...

Теперь Инь Шии не осмеливался сказать, что это пустяки или что рана ему не мешает. У него было предчувствие, что эти слова лишь сильнее разозлят господина. Он корил себя за неумение подбирать слова, из-за чего вызвал гнев хозяина, и, поджав губы, хранил молчание. Его и без того бледные губы, сдавленные зубами, казались совсем бескровными.

Видя его таким, Лоу Цзинъюй почувствовал, как сжалось сердце. Он не хотел больше мучить его и уже собирался закрыть тему, как вдруг Инь Шии ответил:

— Дела господина — вот что важно.

Его голос был тихим, но полным решимости. Лоу Цзинъюй, который только что злился, почувствовал, как гнев мгновенно улетучился, сменившись теплом. Он не удержался, наклонился и, обняв его, поцеловал в макушку.

— Ты очень старался, Шии. Поспи немного, хорошо? — Лоу Цзинъюй снова заговорил тем мягким, успокаивающим тоном, который был предназначен только для него.

— Но я еще не доложил о выполнении задания, и бухгалтерские книги...

Раньше Инь Шии спешил вернуться после задания только ради того, чтобы увидеть господина. Теперь же, когда хозяин был рядом, он уже не чувствовал такой спешки. Однако долг есть долг: он должен был вернуться в Павильон Тьмы, чтобы внести отчет в архивы и сдать изъятые документы.

— Не думай об этом, Шии. Я прикажу Цзян Яню заняться этим.

Цзян Янь: ...

Цзян Янь был главой Павильона Тьмы и непосредственным начальником Инь Шии. Как он мог переложить свою работу на него?

— Господин, это неуместно. У главы много забот, как я могу перекладывать на него свою работу?

— Тогда позволь мне сделать это за тебя?

— Тем более нет! Господин обременен тысячами дел...

Поняв, что Лоу Цзиньюй тверд в своем решении не позволить ему больше прикасаться к делам, Инь Шии сдался. Он ни за что не допустил бы, чтобы господин утруждал себя, поэтому оставался лишь один вариант:

— Пусть лучше этим займется глава.

Лоу Цзиньюй остался доволен и похлопал Инь Шии по плечу.

— Вот и хорошо. А теперь спи, ты не спал всю ночь, ни о чем не думай.

Увидев, что тот послушно закрыл глаза, Лоу Цзиньюй позвал служанку, чтобы она зажгла успокаивающие благовония. Тонкая струйка дыма с ароматом трав поднялась из курильницы и растворилась в воздухе. В комнате воцарилась тишина.

Поначалу Инь Шии было непривычно лежать в постели: мягкое одеяло, казалось, пропиталось запахом господина, из-за чего его нервы были напряжены. Но этот аромат действовал умиротворяюще, и, изможденный физической усталостью и потерей крови, он постепенно погрузился в сон.

Лоу Цзиньюй бесшумно вышел из спальни и подозвал Миньюэ:

— Я иду в кабинет. Никого не пускать, чтобы не потревожить сон Шии. Если он проснется, немедленно доложи мне.

— Слушаюсь, господин.

Отдав распоряжение, он взял принесенные Инь Шии книги и направился в кабинет. Увидев, что Цзян Янь уже ждет его, он бросил ему документы.

— Проверьте с дядей Цзяном все до последней цифры. Все, что принадлежит секте Чиян, должно быть возвращено. Не нужно проявлять к клану Цзи никакой жалости. И еще: впредь не отправляйте Шии на задания.

Цзян Янь, прижимая к себе книги, замер. Вчерашнее задание Инь Шии и Ин Цзю выполнили безупречно, не оставив никаких хвостов. Почему же господин, похоже, недоволен? И почему он запрещает Инь Шии работать?

Он подумал, что, возможно, Инь Шии чем-то прогневал господина, а учитывая его холодный нрав и неумение говорить приятные слова, это было вполне вероятно. Цзян Янь решил заступиться за подчиненного:

— Господин, Инь Шии хоть и молод, но обладает великолепным мастерством. Со временем он станет лучшим стражем в Павильоне Тьмы. Если он совершил ошибку и разгневал вас, накажите его, но прошу, дайте ему еще один шанс.

Лоу Цзинъюй взглянул на него. Почему все вокруг реагируют так, будто случилось нечто ужасное?

— Я не собираюсь отстранять его от службы, просто больше не буду посылать на задания. Он постоянно получает раны, мне его жаль.

— А? — Цзян Янь опешил.

— Его Жетон Тени останется в Павильоне, кодовое имя сохранится, но отныне он будет находиться при мне. Иначе я не могу быть спокоен.

Цзян Янь, хоть и умел читать обстановку лучше других стражей, сейчас был сбит с толку.

Зато дядя Цзян, стоявший рядом, сообразил быстрее:

— Господин, вы решили приблизить Инь Шии к себе в качестве наложника? Хотите, чтобы я нашел кого-нибудь, кто обучит его правилам?

При жизни старого главы и его супруги в секте царила гармония, поэтому подобных порядков не существовало. После того как Лоу Цзинъюй занял пост, он всегда вел воздержанный образ жизни и никем не интересовался, поэтому никто и не задумывался о подготовке таких мест. Сейчас даже наставниц не было. Дядя Цзян почувствовал, что не доглядел: главе уже двадцать три, самое время заводить людей, нужно было позаботиться об этом заранее.

Однако Лоу Цзинъюй, услышав его слова, не обрадовался, а наоборот, нахмурился. Какие еще наложники, какие правила? Одно упоминание этих слов в связке с Шии вызывало у него раздражение.

— Инь Шии — человек, который дорог моему сердцу. Он не наложник, и никакие правила ему учить не нужно. Дядя Цзян, ты меня понял?

<http://bllate.org/book/22235/2322313>